

6.3.8. Слово Пасхальное. В неделю Антипасхи¹ (в неделю о Фоме²)

Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ...

Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый же весь и невидимый: Христос бо воста, веселие вечное.

Как выразить нам радость пасхальную? Какое слово достойно и сильно, чтобы явить ее иступленность, исхождение из собственного нашего естества? Язык бессловесен, и слово немотствует, радость же поет и струится в мире и в нас самих. Она свидетельствует о совершившемся воскресении Христовом и о жизни будущего века, как некой самоочевидности: — «от смерти бо к жизни, и от земли к небеси, Христос Бог нас приведе...», «Смерти празднуем умерщвление, а до разрушения, иного жития вечного начало...», «Яко воистину священная и всепразднственная сия спасительная ночь и светозарная, светоносного дне восстания сущи провозвестница», «Приидите, нового винограда рождения, божественного веселия... Царствия Христова приобщимся...»

С захватывающим дыханием, в потоке речи стремимся поведать мы о совершившемся чуде воскресения. Это чудо *впервые, с единственной, неповторяющею* силою, потрясает нас в Христову ночь, когда мы внемлем вести воскресения от ангелов и человеков. Она берет нас во власть свою и уводит из здешнего мира, делает нас *иными* себя самих, как бы уже совоскресшими Христу и живущими жизнью воскресения. И нам хочется утвердиться в новом мире на этой высоте, остаться навсегда в иступленности, восходя выше и выше, трепеща сильнее и горячее... Однако далее мы уже лишь *повторяем* это самосвидетельство, ото дня ко дню, и от часа к часу, уповая, что оно в нас сохраняет и утверждает силу свою...

Благодать праздника дает нам эту его радость, она светится в храме и в сердцах наших, когда мы внемлем пению гимнов пасхальных и ответствуем на их призывные возгласы «Христос воскрес» и своим «воистину воскрес». Однако повторения скоро уже теряют свою первую, непосредственную силу. Душа не возлетает в иной мир, но остается на земле. Праздников праздник становится лишь *одним из праздников*, даже и будучи первым из них. Радость его в нас ослабевает и как бы затихает. И так приближается день, когда в храме уже затворяются отверстые Царские врата, и для нас закрывается небо, хотя и продолжают еще дни

Пятидесятницы. По окончании же их наша жизнь возвращается в обычное русло, впредь до нового пасхального взлета...

Христианская церковь родилась в радости воскресения, в явлении Воскресшего ангелам и человекам. Апостолы свидетельствовали о воскресении Христовом: «Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его» (Деян 2: 24). Воскресший же являлся здесь на земле многим, доколе не вознесся в небеса и не скрылся от земли, чтобы там в небесах «умолить» Отца послать нам «Другого Утешителя» (Ин 14: 16), который «пребудет с нами вовек», «научит всему и напомянит все». И другое еще обетование дает Господь: «Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю место, приду опять и возьму вас к Себе» (Ин 14: 2–3). Об этом новом, втором пришествии во Славе как Царя, Судии и Воскресителя мертвых многократно обетовал Господь. Это обетование глубоко залегло в сердца христиан. В ночь пасхальную отзываются они на весть: «Христос воскресе», своим «воистину воскресе», а в пасхальную седмицу, в первохристианстве, ответною молитвой Церкви Христовой было: «ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр 22: 20). Этой молитвой молились первые христиане, ею они вдохновлялись, она давала силу мученичества и исповедничества, как и радость пасхальную. Многократно повторялись пророческие слова Откровения, что «время близко» (Откр 1: 3; 22: 10), и преходит образ века сего, приближается конец его, обновление и преображение. Пришествие Христово мнилось им не страшным, но радостным, какова ныне радость пасхальная. Но как угасает в нас эта последняя, так зачихла и как бы позабыта теперь и эта молитва «Ей, гряди!» та, которая должна стать первого молитвой, наряду с молитвою к «Другому Утешителю», Духу Святому: «Прииди и вселися в ны!».

И ныне, когда поет душа «Христос воскресе из мертвых», остается ли в ней место еще для другой молитвы «Ей, гряди!»? Или же она сливается с первой, ею поглощается? Та радость, которая возвещается в ночь Христову, переходит по ту сторону Христова воскресения. Оно совершилось здесь на земле, в этом веке, но восполнилось вознесением в небеса. От того свершения, которое открывается в ночь пасхальную, нас отделяет вся полнота веков, прошедших и еще грядущих, как и вся жизнь загробного мира. Светлое Христово воскресение чрез все грани мировых свершений является пророчественно проникающим и все в себе вмещающим. И вот почему даже эта христианская молитва «Ей, гряди!» здесь как бы умолкает, ибо исполняется в предварении пророчественном: Христос воскресший в нас и с нами. Мы испытали, пережили эту радость Его духовного

явления. Но после того с новой силой и остротой начинаем мы чувствовать Его вознесение в небеса, которое есть от нас удаление. Оно спасительно и не оставляет нас сирыми, но возвращает к нашему земному бытию, к которому относится также и загробное состояние. Отсюда-то родилась первохристианская молитва «Ей, гряди!». Радость воскресения сменилась для учеников недоуменным созерцанием, как «Господь поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их». И в ответ на это недоумение, «когда они смотрели на небо во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: «мужи Галилейские! Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видите Его восходящим на небо» (Деян 1: 10–11). В ответ же на это и зародилась в сердцах молитва: «ей, гряди, Господи Иисусе!». Она явилась тогда как бы продолжением славословия пасхального. Она стала внутренней силой воодушевления, зиждущего Церковь. И она не может прекратиться или заглохнуть до самого своего исполнения, до обетованного пришествия Господа. Поэтому и в наших сердцах, вместе с угасанием торжества пасхального, должна звучать полнее эта молитва, как молитвенная душа Церкви.

Однак, в жизни ее, в земных ее судьбах мы этого не наблюдаем, и даже видим совершенно обратное. Она как бы забывается, теряет силу, становится ненужной, несущественной. Она отсутствует в нашем молитвенном самосознании. Что это значит? О чем свидетельствует? О преизбыточной ли полноте или же ущербности нашего сознания, которая требует для себя творческого восполнения? Когда любим, мы жаждем любимого: зреть его, чувствовать, познавать, жить с ним. Эта жажда проникает нашу собственную жизнь, и ее воодушевляет. Из нее рождается сила христианства в истории, ею побеждается языческое обмирщение и антихристова злоба.

Чаяние Христа, грядущего в мир, есть и радость пасхальная, но с тем, чтобы стать животворящей силою всей нашей жизни. И она не может умолкнуть в нас, когда умолкают гимны пасхальные, она должна звучать в нашей жизни уверенней и победнее. «Ибо Христос для того умер и воскрес и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и живыми» (Рим 14: 9). Мы призываемся здесь на земле к подвигу творческой веры.

Во дни, когда являлся ученикам воскресший Христос, оказался среди них и «Фома неверующий», который хотел для себя телесного доказательства воскресения, и Господь в явлении Своем низошел к этой его немощи. Однако и сам Фома преодолел маловерие и исповедал с тем большею силою веру свою: «Господь мой

и Бог мой!» (Ин 2: 28). Господь же сказал ему: «Ты поверил, потому что увидел Меня. Блаженны не видевшие, но уверовавшие».

К этому блаженству подвига веры зовет нас после-пасхальная неделя о Фоме. Она обращает сердца наши к непрестанному молитвенному зову христианства: «Ей, гряди, Господи Иисусе!». Аминь.

1943 г.

6.3.9. Радость в печали (Ин 16: 20). Через Вознесение к Пятидесятнице

Скорбь причиняется разлучением, в сердце им оставляется рана. Она тем мучительнее, чем сильнее любовь, тем убийственнее, чем выше, дороже, прекраснее любимый. Но если и возможно еще различать и сравнивать образы и степени любви, то не было и не могло быть священнее, проникновеннее, беззаветнее той любви, которою, при всей человеческой немощи своей, любили ученики своего Учителя. Видеть Его лик, слышать Его голос, ощущать присутствие было высшей радостью и блаженством, которые только доступны человекам. Не сам ли Он однажды сказал им об этом: «Ваши блаженны очи, что видят, и уши, что слышат. Ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Мф 13: 17).

И, однако, пришло время, когда должно было прекратиться и для них это блаженство. Сначала ученикам дано было вкусить всю скорбь о смерти Его, а теперь, на горе Елеонской, им предстояло новое, уже последнее с Ним разлучение. Самая мысль о нем настолько не вмещалась в их сознание, что они не поняли сказанного об этом и стали спрашивать о восстановлении царства Израилю, о земном Его торжестве, тогда, когда их ожидало новое «смотрели они на небо», приявшее возносившегося Господа «во время восхождения Его» (Деян 1: 10), а церковная песнь даже так изображает эту скорбь их: «Рыданием слез скорби исполняемы, рыдающе глаголаху: Владыко, не остави нас сирых!» (Стихира на Господи возвах).

Однако эта скорбь учеников явилась лишь данью немощи в великом призвании и светлом обетовании, им данном. Они возвратились в Иерусалим уже «с великою радостью» (Лк 24: 52). В сознание их вошло слышанное в прощальной беседе, накануне